

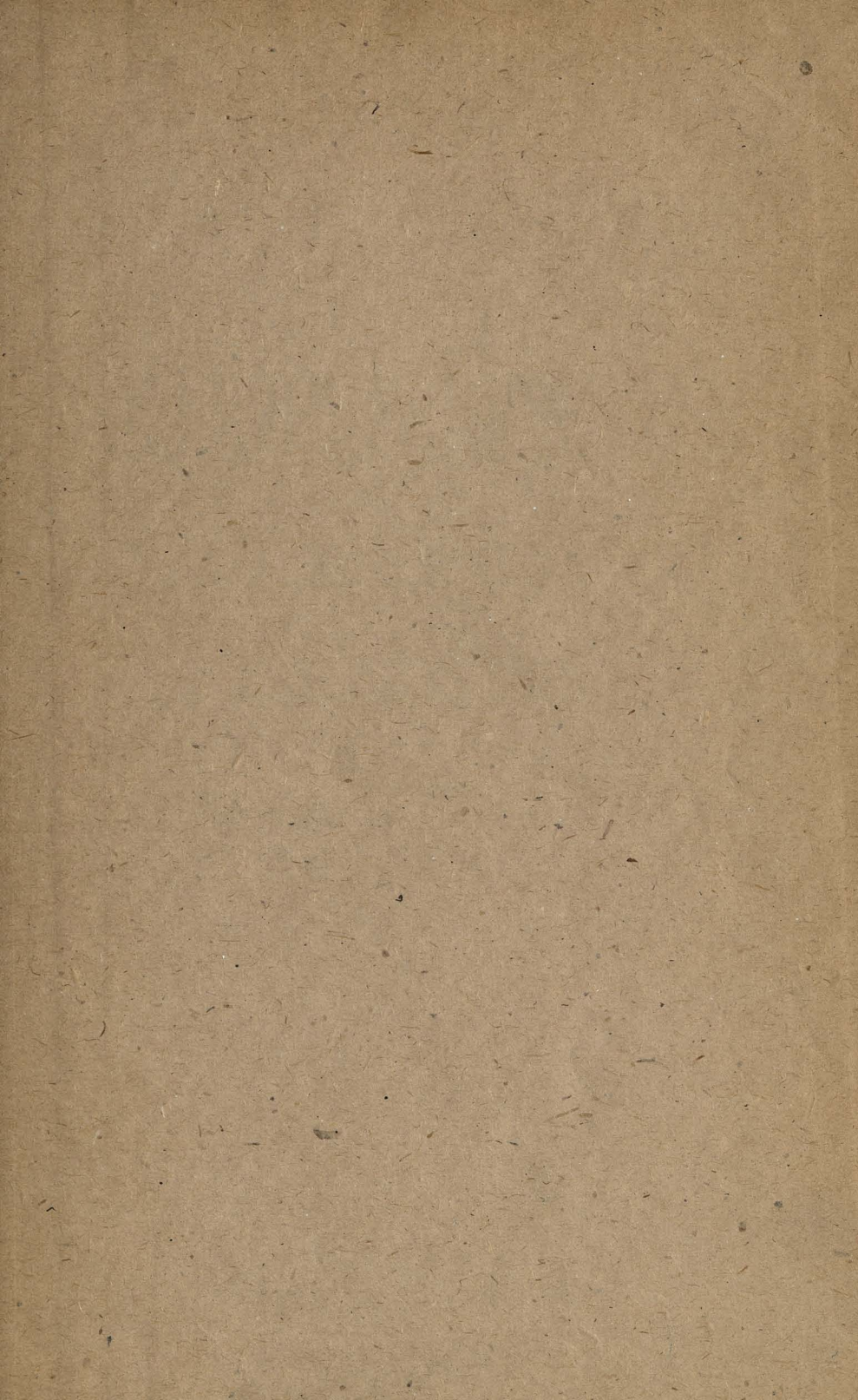
В. БЫСТРАНСКИЙ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
в
ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ

У 293
270

v 293

270

240
240

В. БЫСТРЯНСКИЙ

ор 1-73
11378

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В ПРОШЛОМ

И БУДУЩЕМ

Мам 30
89 К

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

*У 213
240*

В. БЫСТРЯНСКИЙ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В ПРОШЛОМ
И БУДУЩЕМ

МЛ-26811

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

1102-165

Р. В. Ц.

Отпечатано 15.000 экз.

Четвертая Государственная Типография, Фонтанка, 57.

I.

Преступление самым тесным образом связано с классовым обществом и его порождением—государством. Всякое государство есть организация насилия, господства одного класса над другим, — необходимость подобной организации вытекает из распада общества на классы, со взаимно-противоположными интересами. Для охраны своего господства над эксплуатируемыми классами, командующий класс создает аппарат насилия, целую сеть учреждений, строит систему права, охраняющую его власть от нападения угнетенных классов и от посягательств со стороны отдельных представителей самого командующего класса, не считающихся с общими и длительными интересами своего же класса ¹⁾.

Всякое государство, таким образом, обязано своим происхождением противоречию интересов, антагонизму социальных сил. Внесение известного порядка в хаос взаимно-противоречивых интересов—вот задача государства и права. Но она может быть разрешена только в общем и целом, ибо наличность противоречий интересов господствующего и угнетенного класса, разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, на трудящихся и на присвоителей продукта их труда, в политической сфере находящее свое отражение в делении общества на правящих и управляющих, неизбежно приводит к посягательствам представителей угнетенного класса на господствующий социальный и правовой порядок, на сами устои общественного строя. Таковы социальные

¹⁾ В одном из рассказов—«Jean Marteau» Анатоля Франса известный герой его произведений Пержере говорит:

«Il y a des lois justes. Mais la loi, étant instituée pour la défense de la société, ne saurait être, dans son esprit, plus équitable que cette société. Tant que la société sera fondée sur l'injustice, les lois auront pour fonction de défendre et de soutenir l'injustice. Et elles paraîtront d'autant plus respectables qu'elles seront plus injustes. Remarquez aussi qu'anciennes pour la plupart, elles représentent non pas tout à fait l'iniquité présente mais une iniquité passée, plus rude et plus grossière. Ce sont des monuments des âges mauvais qui subsistent dans des ours plus doux». «Crainquebille, Putois, Riquet etc», Paris, 283—4.

основы преступности. Ее корни лежат в классовой организации общества, в распадении его на антагонистические группы.

Наказание является самозащитой со стороны господствующего класса против покушений на его привилегии со стороны класса угнетенного, путем наказания командующий класс ограждает свою власть, держит в узде угнетенный класс, пытается придать прочность общественному порядку.

Всякая государственная власть является отражением антагонистического строения общества, самое ее существование вытекает из социального неравенства, из отсутствия гармонии в социальном целом, из отсутствия солидарности между отдельными группами. Государство есть порождение классового неравенства, классового антагонизма. Из последнего проистекает и преступление, т.-е. возмущение представителей угнетенного класса против правового порядка, отражающего интересы класса господствующего. Правда, бывают случаи, когда преступление совершается и членами господствующих классов, когда они в личных интересах посягают на нормы, установленные самим этим классом, в его целом—для того, чтобы упорядочить свое господство—господство класса, чтобы придать господствующему порядку некоторую устойчивость, чтобы обезопасить его не только от протеста угнетенных масс, но и от покушений отдельных представителей господствующего класса, не желающих сообразоваться с общими интересами всего класса, требующими известного порядка.

Но вообще говоря, преступление является реакцией со стороны класса угнетенного против враждебного его интересам общественного порядка. Наказание—это есть самооборона командующего класса от нападений со стороны эксплуатируемых масс ¹⁾.

В тех формах государственности, которые до сих пор знала история, в государстве рабовладельческом, феодальном и буржуазном у власти стояло привилегированное меньшинство, организуя свой государственный аппарат для охраны экономической эксплуатации и политического рабства широких масс.

Преступление является характерной особенностью всякого общественного строя, покоящегося на классовом антагонизме, но никогда, может быть, в истории преступность не принимала таких размеров, как в эпоху капитализма, ибо он превратил широкие массы населения в пролетариев, то-есть, лиц, ли-

¹⁾ В одном из рассказов Анатоля Франса известный герой его произведений, аббат Coignard, заявляет: «Il y aurait beaucoup à dire sur cette justice des natures polies, dont les vengeances sont plus cruelles que le crime même». (Les Contes de Jacques Tournebroke, Mademoiselle Roxane).

шенных всякой собственности, помимо своей рабочей силы, ибо буржуазный строй как никакая из предшествующих общественных формаций, обострил классовые противоречия, превратив громадную массу населения в пауперов, с одной стороны, а с другой, породив в среде рабочих масс решимость покончить с современным общественным порядком, покоящимся на эксплуатации масс.

Дело меняется, когда с переходом власти к пролетариату создается государство рабочих, где у власти стоит класс, представляющий интересы громадного большинства населения. Но и в эту переходную эпоху необходима организация насилия для предотвращения попыток со стороны прогнанного от власти меньшинства вернуть обратно свои привилегии. Государство с его армией, полицией, тюрьмами продолжает существовать.

С изменением классовой природы государства, с превращением его из аппарата насилия меньшинства над большинством в организацию насилия громадного большинства трудящихся над кучкой эксплуататоров меняется и характер посягательств на его бытие, — природа преступления.

Отныне носителями преступности являются представители бывшего господствующего класса, своими заговорами и покушениями подвергающие опасности существование рабочего государства, с одной стороны, а с другой — грабёжами и другими деяниями, корнящимися в прежнем капиталистическом строе, подрывающие его хозяйственные основы.

Поэтому в эпоху пролетарской диктатуры наказание является самозащитой нового господствующего класса — пролетариата против попыток восстановить частную собственность, самозащитой пролетариата от покушений со стороны буржуазии.

Однако, новому рабочему государству приходится ограждать себя и от недостаточно сознательных представителей класса, пришедшего к власти, — от тех рабочих, которые под влиянием буржуазной агитации, своими поступками подрывают новый строй, мешают его правильному функционированию. Основная обязанность всех членов нового государства — труд. В виду того, что «основной принцип нового общества, как говорил еще Маркс, есть труд», нарушение этого принципа, наряду с восстаниями против государственной власти пролетариата, являются самыми важными посягательствами на существование трудового государства.

Вот почему при новом строе, защищающем интересы трудового целого, труд превращается в обязанность для тех, кто хочет от него поклониться.

Но рабочая государственная организация в период пролетарской диктатуры является только переходной формой к безгосударственному коммунизму. Рабочее государство про-

должает существовать, пока в международном масштабе еще не побеждена буржуазия.

С победой пролетариата во всем мире, с превращением всего человечества в общество производителей исчезнет и необходимость в государстве, как в орудии насилия одного класса над другим, как в орудии господства.

Тем самым из общества будут устранены последние остатки социальных антагонизмов и классовых противоречий.

С полной победой коммунизма, с исчезновением самого понятия государства, не будет места и для преступлений— (за исключением лишь отдельных патологических случаев), ибо место антагонизма и борьбы классов займет социальная гармония, солидарность всех членов нового общества, целого, где, по словам «Коммунистического манифеста», «свободное развитие каждого явится условием свободного развития всех». Канет в вечность главная причина преступности— противоречие интересов различных общественных классов, распадение общества на угнетателей и угнетенных, на эксплуатируемых и эксплуататоров, на производителей и присвоителей нетрудового дохода. С искоренением частной собственности исчезнет и преступление.

При том пышном расцвете производительных сил, какой наступит после полной победы коммунизма, с воцарением всеобщего довольства исчезнет всякий мотив для выступления отдельного лица против интересов целого. Победа коммунизма заставит забыть о бедности и о вырождении, как и о неизбежных плодах нищеты масс, преступлении и наказании, и радикально покончит с государством, его армией, с полицией и тюрьмами.

II.

Даже жрецы буржуазной науки вынуждены были признать связь между обнищанием масс при капитализме и преступностью. Бельгийский юрист проф. Адольф Принс в своей книге «Преступность и репрессия» (Москва, 1898) говорит о причинах преступности, коренящихся в социальной структуре капитализма.

«Преступление есть явление не индивидуальное; оно— явление социальное (6)».

Выражаясь математически, преступление есть функция общественного строя.

«Существует социальная среда, благоприятная нравственному здоровью: склонность к преступлению в ней ничтожна; но существует и другая социальная среда, где атмосфера испорчена, где скапливаются нездоровые элементы, где самые сильные гибнут, куда преступность обрушивается как плесень на навоз: склонность к преступлению здесь громадна, и в этом смысле можно сказать, что она является социальным

фактом, зависящим от социальной причины, и находится в тесной связи с данной социальной организацией (Ib.)».

Капитализм порождает пролетариат, — класс, лишенный всяких средств к существованию помимо его рабочей силы, но, обрекая его на нищету, толкает представителей этого класса на посягательство на основы современного общественного строя.

«Дюкпетто еще в 1856 году доказывал, что бюджет рабочего большого города ниже даже бюджета тюремного сидельца-работника. С тех пор положение не изменилось, и рабочие классы в плохих жилищах и на плохой пище поныне влечат жалкое существование, всецело завися от экономических кризисов. Рабочий всегда стоит на рубеже бродяжничества; бродяга всегда находится на границе преступности. Таким образом, весь пролетариат постоянно представляет собою передовую боевую линию, и является ли врагом болезнь или же преступление, он всегда гибнет первым» (Op. c., 10).

Люмпенпролетариат представляет готовые кадры преступников.

«В Париже каждое утро 50 тысяч человек не знают, где им достать кусок хлеба и где в этот день будут ночевать».

«В Лондоне 100.000 покинутых детей бродят по улицам. В Вене за 1880 год около 90.000 человек, не имеющих крова, были забраны в различные приюты.

«В Бельгии точно так же бродят целые легионы» (Op. c., 36—37).

Известный итальянский криминалист и политический деятель Энрико Ферри, кокетничавший одно время с социалистическим движением, примыкает в общем и целом к основанной Ломброзо школе, усматривавшей причину преступности в прирожденных свойствах, с которыми преступник рождается на свет. Но и Ферри признает значение экономических факторов преступности.

В своей «Уголовной социологии» он пишет:

«Я, в соответствии с научным социализмом, заявляю, в противоположность сентиментальному социализму, приписывавшему преступность исключительно буржуазному строю, что всякая стадия цивилизации отличается соответствующей формой преступности, которая, имея кровавый характер во времена феодализма, а в эпоху буржуазии характер нарушения прав собственности, будет существовать так или иначе также и в будущем обществе»¹⁾.

Подобное утверждение не считается, однако, с тем обстоятельством, что как феодализм, так и буржуазный строй характеризуются одним общим признаком — распадением общества на антагонистические классы эксплуататоров и экспло-

¹⁾ «Уголов. социология», перевод с 4-го итальян. издания, ч. I. Спб. 1910, 295.

тируемых,—между тем в будущем обществе с уничтожением классов и исчезновением внутренних антагонизмов не будет места факторам, толкающим угнетенных и обездоленных к возмущению против враждебного им социального уклада.

Однако Ферри провидит в дальнейшем, после радикального преобразования социального уклада, исчезновение преступления и реакции на него со стороны общества—уголовной репрессии.

В будущем,—говорит он,—«уголовному правосудию, как орудию жестокой репрессии и классового господства, суждено исчезнуть; оно сохранится лишь как функция клиническая. И это произойдет также потому, что развитие уголовного правосудия стоит в обратном отношении к развитию социальной справедливости.

«По мере того, как последняя будет развиваться и осуществляться все шире и глубже, уголовное правосудие будет терять свое значение и вместе с тем перестанет функционировать, как принужденный внешний и материальный механизм, превращаясь все более и более в общее внутреннее органическое чувство.—Развитие такого внутреннего чувства явится необходимым следствием нового общественного строя, обеспечивающего каждому человеку условия материального и нравственного существования.

«Иначе говоря, исчезновение уголовного правосудия, как политического учреждения, совпадет с торжеством справедливости, как чувства и движущей силы общественной жизни»¹⁾.

Корни преступления в нашу эпоху Ферри усматривает в условиях капиталистического строя.

«Макс Нордау говорит о преступности *конца расы*, что, конечно, менее точно, чем выражение: преступность *конца класса*, встречающееся у Сигеле. Ибо в наши дни буржуазный класс проявляет те же особенности социального вырождения, которые в XVIII столетии, накануне падения господствовавших тогда классов, вызвали у Вольтера «большое желание ходить на четвереньках».

«После символического лозунга «обогащайтесь», раздавшегося в первой половине XIX столетия, мы наблюдали все большее и большее распространение нравственной болезни *клезомании* (мания богатства), в силу которой человек считает деньги высшей целью жизни. Достоинство человека измеряется не тем, что он *есть*, а тем, чем он *владеет*. *Клезомания* же ведет неизбежно к *клеттомании* (мании прямой или косвенной кражи)»²⁾.

Раз само общество является источником, порождающим преступление, наказание бессильно против него.

«Как опыт, так и уголовная статистика показывают, что

¹⁾ «Уголовная социология», часть II, Спб. 1912, 444.

²⁾ Op. с., I, 296—7.

наказания весьма слабо противодействуют потоку преступности, раз социальная среда предрасполагает к ней»¹⁾).

Будущему обществу не придется иметь дело с преступлением как с общественным явлением, — это будут лишь редкие феномены индивидуальной патологии!

Положение коренным образом изменится в будущем обществе, не будет контраста между богатством немногих и нищетой массы, — там с исчезновением экономического и политического неравенства исчезнут и причины, толкающие людей на преступление.

«В будущем обществе, которое придет на смену буржуазному обществу, подобно тому, как последнее сменило феодальный режим — каждому индивиду будут обеспечены удовлетворительные условия существования, благодаря чему, несомненно, значительно возвысится нравственный уровень массы, тем более, что безнравственность находит благоприятную почву там, где борьба за существование происходит в ненормальных условиях. А труд, регулируемый и вознаграждаемый самим обществом, явится в свою очередь лучшей гарантией против преступности и порока, которые вместо современного своего эпидемического характера приобретут характер редких патологических случаев. Это будет тогда, когда всякий здоровый и способный к труду человек будет работать, и всякому умственно или физически трудящемуся будет обеспечено нормальное человеческое существование, а не участь раба или вьючного животного»²⁾.

Граждане будущего увидят в преступнике больного, нуждающегося в лечении и внимательном уходе.

III.

В 1902 г. голландский ученый Ван-Кан выпустил труд, посвященный «экономическим факторам преступности» (русский перевод под редакцией проф. Познышева издан в Москве в 1915 г.).

Хотя кругозор автора и ограничен узкими рамками капиталистического строя, — его книга содержит ценный материал для выяснения причин преступности, коренящихся в антагонистической природе капиталистического способа производства.

По мнению Ван-Кана значение экономических факторов преступности обнаруживается в полной мере лишь при изучении преступления в его историческом развитии.

«Анализ статистики преступности, т. е. преступности одной страны или местности в определенный момент, обнаруживает, правда, в большинстве случаев наличие неоспоримой связи между преступностью и экономическими условиями;

¹⁾ Ферри. «Уголов. социология». II, 454.

²⁾ Ферри. «Уголов. социология». I, 293.

но в то же время этот анализ обнаруживает и то, что преступность носит на себе столь же ясные следы совершенно иных влияний. Наоборот, динамическое изучение преступности, т.-е. сравнение хода развития имущественных преступлений, — так как именно об этой категории преступлений идет, главным образом, речь, — с изменениями в экономической среде, обнаруживает поразительный параллелизм, наблюдаемый почти постоянно и повсюду, между обеими кривыми, изображающими сравниваемые явления» (Ор. с., 10).

Ван-Кан, не отрицая роли и внеэкономических факторов в причинении преступлений — которые, прибавим, оказывают воздействие на нее только через посредство социальной среды — указывает, что экономическое развитие является в последнем счете ключом к пониманию движения преступности.

«В самом деле, кривая преступности с поразительной правильностью следует за кривой экономических изменений; но это происходит не от того, что преступление — продукт исключительно экономических факторов, а от того, что среди всех факторов, создающих преступление, экономический фактор, наиболее подвижный, изменчивый и наиболее подвержен ежегодным колебаниям; он резко всего бросается в глаза, и его связь с зависящими от него явлениями наиболее очевидна. Другие факторы, влияющие на преступность, факторы органического, космического, теллурического и социального, но не экономического характера, по своей природе мало подвержены ежегодным изменениям; происходящие в них перемены незначительны и совершаются медленно, а потому малозаметны» (Ор. с., 11).

Социальные контрасты оказывают определяющее влияние на преступность.

«Среди ближайших причин преступности чаще всего мы встретим бедность и нищету; однако и другие материальные условия, — между прочим, и противоположные состояния, богатство и роскошь, — тоже оказывают непосредственное влияние на преступность» (Ор. с., 11).

Капиталистический способ производства — как и всякий другой — влияет на преступление через посредство общественных классов, — социальных группировок, на которые распадается член общества сообразно положению, занимаемому ими в процессе производства.

Как господствующие, так и эксплуатируемые классы антагонистического общества порождают специфические формы преступности, — коренящиеся в конечном счете в классовом интересе.

Ван-Кан в следующей формулировке дает определение преступности: «преступление для нас есть безнравственный человеческий поступок, посягающий на социальный порядок, поступок, совершая который человек переступает границы дозволен-

ного в общественной жизни, поступок, доказывающий, что лицо, его совершающее, недостаточно приспособилось к требованиям окружающей среды, следовательно, поступок, представляющий опасность для общества, которое и должно от него защищаться» (12).

Подобное определение приложимо к разнообразным общественными формациям, основанным на господстве различных классов,—оно пригодно как для феодального, так и для буржуазного государства,—а равно и для идущего им на смену режима пролетарской диктатуры.

С преобразованием хозяйственного строения общества изменяется и характер посягательств на основы социального порядка,—преступлений.

Уже в 18 веке, когда европейская буржуазия накануне революции давала в области духа свои битвы старому порядку, ее идеологи не могли не касаться экономических корней преступлений.

Знаменитый итальянский криминалист Беккариа в своем трактате о «Преступлениях и наказаниях» высказывается в следующих выражениях о воровстве: «Воровство обыкновенно бывает преступлением нищеты и отчаяния, его постоянно совершают несчастные, которым право собственности—ужасное право, быть может, совершенно ненужное,—не оставило ничего, кроме жизни».

«Вольтер характеризует имущественные преступления следующим образом: «мошенничество, кража, воровство обыкновенно бывают преступлениями бедняков».

«В истории о добром брамине Вольтер с меньшей прощай, хотя и не с таким крайним негодованием, характеризует своего героя, как «человека очень умного, благонравного и очень ученого; кроме того, он был богат, вследствие этого он был еще благонравнее, так как, не испытывая ничем нед остатка, ему незачем было обманывать».

«Великая Энциклопедия» дает следующую оценку влияния нищеты на нравственность: «Редко можно встретить настолько сильный дух, чтобы нищета не могла сломить или ошолить его».

«Нищета—мать больших преступлений; правители создают отверженных, и они ответственны и в этом и в том мире за преступления, совершаемые беднотой» (Ор. с., 35—36).

В конце 19 века даже представители так называемой итальянской криминологической школы, видевшей в преступности прирожденное свойство, объясняющееся анатомическими и физиологическими особенностями индивида, не могли совершенно отрицать роли материальных факторов.

По мнению главы школы, Чезаре Ломброзо, преступления, совершаемые представителями более достаточных классов, принимают в большинстве случаев форму обмана, а преступления, совершаемые бедняками, формы насилия.

Далее Ломброзо указал на роль богатства, как фактора преступности в буржуазном обществе. По его мнению, «богатый черпает в более здоровом питании и в более крепкой нравственной дисциплине (?) большую силу для борьбы с дурными соблазнами».

«Но богатство, соединенное с его губительными последствиями: сифилисом, истощением и т. д., в свою очередь, является причиной вырождения, благодаря которому совершается целый ряд преступлений».

«И если, говорит в заключение автор, необходимость удовлетворить некоторые потребности толкает бедняков на путь преступления, то поле деятельности их весьма ограничено; между тем богатый имеет не столь настоятельные, но более многочисленные потребности, почему и преступления, совершаемые богатыми, несравненно разнообразнее. Итак, прирожденный преступник гораздо чаще находит повод совершить преступление, если он богат, чем если он беден; еще более — случайный преступник (Op. c., 52—53).

Другой последователь уголовно-антропологической школы Ферри «утверждал, что при коллективистском режиме исчезнут хронические и эпидемические формы преступности, которые являются следствием вырождения, создаваемого нищетой и лихорадочной борьбой за богатство».

Ферри отвел должное место экономическим факторам преступления. Констатировав наличие периодических колебаний преступности, «автор добавляет, что нельзя предположить, чтобы эти постоянные колебания записали от соответствующих колебаний антропологических и физических факторов, так как последние совершаются очень медленно и не могут претерпевать таких постоянных и значительных изменений, которые соответствовали бы необыкновенному развитию преступности, наблюдаемому нами повсеместно в Европе в течение последней половины века».

«Итак, наибольшее влияние на периодическое движение преступности имеют социальные факторы».

Третий представитель уголовно-антропологической школы, барон Р. Гарофало, прокурор кассационного суда в Риме, также отстаивает ту точку зрения, согласно которой в конечном анализе причина преступности всегда лежит в организме, предрасполагающем к преступлению.

Гарофало отрицает значение экономического неравенства, как главной или одной из главных форм преступности. Сам Ван-Кан, отнюдь не зараженный социалистическими «бреднями», указывает на ошибочность его аргументации. «Что касается мнения Гарофало, будто недостаток энергии склоняет бедняков к совершению преступлений, то на это мы возразим, что важно не то, *как* бедность вызывает преступления, а важно, вызывает ли она их вообще, хотя бы путем извращения воли и склонностей. Преступление, совершенное

бедняком с дурными наклонностями и с недостатком энергии, все же имеет своей причиной бедность. Утверждение, что полнейшая нищета ведет только к попрошайничеству, а не к преступлению, содержит в себе ту долю истины, что в огромном большинстве случаев первой ступенью, на которую толкает нищета, бывает, действительно, бродяжничество или попрошайничество. Но отсюда до преступления остается лишь один шаг; это факт, известный каждому» (Ор. с., 70).

Возражения Гарофало против действительности экономики как фактора преступности, бьют мимо цели.

Всеми признано, что преступления в деревнях совершаются реже, чем в городах, что подчеркивает Гарофало.

Как справедливо подчеркивает Ван-Кан, это явление в свою очередь объясняется действием материальных условий.

«Высчитывают, что в 1865 году мелкие собственники в деревне составляли более 50 процентов населения, между тем их участие в преступности выражалось всего в 31 проценте. Все сельскохозяйственное население, достигшее 71% всего населения, давало 51% общей цифры преступности; следовательно, бедные крестьяне, составлявшие 21% населения, давали 20%, т. е. почти вдвое больше, чем крестьяне-собственники» (Ор. с., 77).

В 1894 г. доктор Форназари на основании движения преступности в Италии с 1873 по 1890 г. пришел к выводу, что «достаточные классы (40% всего населения) дают лишь 13% общего числа преступников; бедные же классы (60% всего населения) поставляют 83% преступников» (Ор. с., 87).

По исследованиям итальянского ученого, оказывается, что «годы, отличавшиеся обильным урожаем, дают низкую цифру преступности; исключение составляют годы с обильным производством вина. Имущественных преступлений, особенно же краж продуктов земледелия, совершается меньше в годы обильного урожая. Максимум кровавых преступлений совершается в годы наихудших урожаев».

Исследование колебаний цен съестных припасов позволяет «установить полный параллелизм кривых цен съестных продуктов и имущественных преступлений» (91).

«Чтобы найти точный критерий для оценки экономического положения рабочих, Форназари вычисляет число часов труда, необходимое, чтобы в течение года выработать эквивалент ста кило хлеба. В результате сравнения этой кривой с кривой преступности оказывается, что имущественные преступления находятся в полной гармонии с числом часов, необходимых для получения эквивалента ста кило, если только не имели места могущественные противоположные влияния» (93).

В 1884 г. французский ученый Бурне со статистическими данными в руках доказывал, что экономические кризисы совпадают с пропорциональным повышением числа убийств, т. е. с самой худшей формой посягательств на личность. Это кровавое преступление совершается почти всегда на почве имущественного интереса.

Француз Анри Массэн в 1893 г. «устанавливает параллелизм между кривой цен на хлеб и кривой имущественной преступности во Франции в период времени 1826—1889 г.г. Он констатирует, что на всем протяжении, вслед за неурожайными годами, немедленно поднимается кривая имущественных преступлений; это наблюдается в годы 1828, 1832, 1840, 1843, 1847, 1854, 1856, 1861, 1867, 1868, 1871, 1873 и в 1882. Параллелизм, действительно, поразительный. Годы больших неурожаяев отличаются особенно резким повышением кривой преступности; таковы годы 1828, 1847, 1856. Разве это, говорит автор, не напоминает, в точности, картины, когда снег и лед выгоняют волков из лесу и заставляют их воровать, чтобы не умереть с голоду?» (Ор. с., 112).

Сейчас мы имеем дело с криминалистами так-называемой французской школы, установившей зависимость преступления от социальной среды.

От них, как указывает и Ван-Кан, отличается точка зрения социалистов.

«Социалисты считают капиталистическую организацию общества за главную причину тяжкого материального положения и видят лекарство в коллективистском строе. Сторонники же теории среды, напротив, хотя и рассматривают, подобно умеренным социалистам, экономическое состояние, как прямую причину преступлений, не считают за это ответственным общественный и экономический строй общества» (Ор. с., 139).

Французский социалист-утопист Кабе в появившемся в 1840 г. «Путешествии в Икарию» видит причину преступлений в неравенстве богатств.

«Вначале завоеватели или аристократы завладели (т. е. узурпировали и украли) всеми землями и даже всю движимость. С того времени эти завоеватели, желая сделать свою собственность священной и неприкосновенной, издали законы, с целью объявить, что всякое посягательство со стороны их рабов и народа является воровством, преступлением.

«Если бедняк, побуждаемый голодом, прикасался к избытку аристократа, он посылался в тюрьму, на галеры, часто на смертную казнь.

«Так как богатство и избыток всегда были несправедливостью и узурпацией, бедные только и думали, как бы «обокрасть» богатых, и воровство во всех его формах было почти всеобщим занятием как бедных, так и богатых.

Бедняки же грабили не только богатых, но и таких же бедняков. Таким образом все, богатые и бедные, и были ворами и потерпевшими. Но не все эти деяния назывались воровством в законах, наиболее отвратительные и вредные пользовались даже легальной безнаказанностью; все же согласно правилам здоровой морали они были воровством» (Ор. с., 144—145).

Фридрих Энгельс ¹⁾ в своем знаменитом сочинении «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» (1844) указал, что с ростом пролетариата в Англии увеличивалась и преступность.

С 1815 по 1842 год количество преступлений поднялось с 4605 до 31.309, т. е. возросло в 7 раз.

На Ланкашир падало 14%, на Миддлсекс, включая Лондон,—13% всех преступлений. Таким образом, два округа с крупными городами и густым пролетарским населением дают больше чем $\frac{1}{4}$ преступлений, тогда как их население далеко не достигает $\frac{1}{4}$ всего числа жителей Англии.

«Большое количество неграмотных и людей, умеющих плохо читать и писать, показывает, говорит автор, «что все преступления рождаются среди пролетариата».

«В земледельческих районах один преступник приходится на 1045 человек, тогда как в промышленных—на 840.

Вырождение, деморализация масс — таковы результаты капиталистической «цивилизации»,— она порождает, между прочим, и преступление.

«Неуважение к существующему социальному строю всег рече выражается в его крайности—преступлении. Рая причины, приводящие к деморализации рабочего, действуют сильнее, более концентрированным образом, чем обыкновенн он с такой же необходимостью должен стать преступнико с какой вода при 80° Реомюра переходит из жидкого газообразное состояние.

«С ростом пролетариата возросло поэтому и число преступлений нации в Англии, и британская нация стала самой преступной нацией в мире. Число арестов за уголовные преступления в одной Англии и Уэльсе за 37 лет—с 1805 по 1842 г. увеличилось в семь раз.

«Из тех же таблиц преступности ясно вытекает, что почти все преступления приходятся на пролетариат: в 1842 году

¹⁾ Еще в своем юношеском «Наброске для критики национальной экономики» Энгельс касается этой проблемы.

«Кто немного ознакомился с статистикой преступлений, тот должен был заметить своеобразную правильность в росте ежегодного количества преступлений, тому не могла не броситься в глаза строгая зависимость между известными причинами и известного рода преступлением». См. «Из литературного наследия» Маркса, Энгельса, Лассаля. Русский перевод, т. 1, М. 1908, 608.

32,35% не умели ни читать, ни писать, 58,32% плохо знали чтение и письмо, 6,77% хорошо читало и писало, 0,22% получило высшее образование, и для 2,34% нельзя было установить степени развития. В Шотландии число преступлений возросло еще быстрее. В Ланкашире, официальный отчет о котором составлен самим шерифом Алисоном, население удваивалось в течение 13 лет, а число преступлений — в течение 5½ лет.

«Что касается самих преступлений, то значительное большинство их составляют, как во всех цивилизованных странах, преступления против собственности, т. е. обусловлены нуждой того или иного рода, ибо никто не крадет того, что у него есть».

(Русский перевод, СПб, изд. Глаголева, 172—3).

Энгельс указал на своеобразный характер преступности порождаемый классовым строем и гнетом английского правительства в Ирландии.

«Попытки ирландской нации найти выход из современного отчаянного своего положения выражаются с одной стороны в преступлениях, составляющих обычное явление в сельских округах и особенно часто встречающихся на юге и западе Ирландии. Почти все эти преступления выражаются в убийствах ближайших врагов, агентов и верных слуг землевладельцев, протестантских переселенцев, крупных арендаторов, имения которых составились из участков сотен трогнанных семейств и т. д.» (Ор. с., 333).

Итальянский криминалист Колаяни в 80-х годах сознательно искал в экономических факторах причины преступности. С защищаемой им точки зрения, вырождение и биологические факторы — «следствие материального состояния, которое и становится косвенной причиной преступности; подобно этому и французская школа искала в социальных факторах вообще источник биологических предрасположений».

«Высокая преступность Ирландии имеет простую, но глубокую причину: она находится в связи с распределением земельной собственности и, как с следствием этого распределения, с нуждой крестьян и постоянными голодовками. Порядок и нравственность Ирландии зависят от урожая и, главным образом, от количества и качества картофеля. Колаяни прибавляет, что в Ольстере, где живут оранжисты и где аграрное законодательство благоприятнее, преступления совершаются гораздо реже.

«В Италии преступность гораздо выше. Но и экономическое положение здесь гораздо хуже. Один из пяти жителей Италии находится в такой нужде, от которой содрогнулся бы ирландец» (Ван-Кан, 153, 159).

В противоположность преступности, непрерывно порождаемой капитализмом, Колаяни указывает на племя Юруба,

«на Западе Африки, по словам Реклю, «кротко, благожелательно, верно данному слову, послушно, искренно, легко прощает обиды, трудолюбиво и проникнуто общественным инстинктом». А в чем причина всего этого?—Юруба не знают крупной земельной собственности. Земля считается общим достоянием.

«Островитяне Явы — «кротки, справедливы, честны; нравственность и солидарность царят там». Одним из главных мотивов такого поведения является коллективная реформа пользования собственностью, по словам автора, преобладающая там (Летурно, Реклю, де-Лавеле). Яванцы остались честными и солидарными, несмотря на постыдное голландское владычество, заклеянное Ван-де-Путте и Дуве Деккером.

Бельгийский ученый Гектор Дени в докладе, представленном им III международному съезду криминалистов в Брюсселе—*La criminalité et la crise économique*—выяснил изменения, внесенные в кривую преступности с развитием капитализма.

«Во времена Кетле и Герри хлебные цены служили точным выражением экономического состояния данной местности, но в наши дни это не так. Под возрастающим влиянием ввоза чужеземных хлебов изменения цен, свойственные различным европейским рынкам, зависят от общего состояния мирового урожая, а не только от местного; цены в Бельгии, как и в других местах, могут быть низки, хотя урожай и плох. Это явление крайней важности для земледельческого класса. Даже для всего населения цены на хлеб составляют лишь один из элементов благосостояния, хотя и важный. Однако, в наш век громадного развития индустрии, внешней и внутренней торговли значение этого элемента с каждым днем падает. Фактор этот теряет свое значение именно в эпохи кризисов; бельгийская статистика и тут снабжает нас примером. Начиная с 1874 года, невозможно установить никакого параллелизма между ценами на хлеб и преступностью, потому что этот год знаменует начало долгой промышленной и торговой депрессии.

«Дени, таким образом, вынужден искать другой экономический показатель; он думает найти его в числах, выражающих общие колебания цен на возможно большее число товаров (*index number*)» (Op. c., 169).

Французский марксист Поль Лафарг поместил в «*Neue Zeit*» (В. VIII, 1890) очерк «*Die Kriminalität in Frankreich von 1840—1846*»,—работу, которую, несмотря на свои антипатии к марксизму, буржуа Ван-Кан называет «прекрасной».

«Ценность труда Лафарга заключается в изучении имущественных преступлений. С этой точки зрения его труд — самое полное и лучшее исследование уголовной статистики Франции. Автор не ограничивается, по примеру большинства своих предшественников, только двумя факторами —

урожаем и хлебными ценами. Он с большим чутьем проникает в самую глубину нашей современной экономической жизни. Несостоятельности, как пробный камень материального состояния данной страны, послужили позднее предметом статистического изучения Мейера для кантона Цюрих. В общем результаты Мейера соответствуют результатам Лафарга: имущественные преступления, как общее правило, следуют регулярно за кривой несостоятельств» (Ор. с., 174).

«Сравнение урожая и преступности показывает, что между этими двумя феноменами существует тесное отношение, хотя и не настолько характерное, чтобы можно было в точности определить одно другим. Годам повышенной преступности—1847, 1854, 1868 и 1874 предшествовали годы, ознаменованные плохими урожаями. С другой стороны, урожай—1855, 1861, 1879 г.г. были значительно ниже среднего, однако в 1856, 1862 и 1880 г.г. преступность оставалась почти на одном уровне.

«Урожай 1847—1852 г.г. был хорош, однако, преступность заметно повысилась. Автор отсюда заключает, что если неурожай и обилие хлеба оказывают известное влияние на преступность, это влияние иногда встречает противодействие со стороны других факторов, иногда же сводится ими на-нет. Истинная причина нашей современной преступности и ее роста имеет более глубокое основание: это характер экономического развития нашего капиталистического общества. Громадное развитие производительных сил и постоянное увеличение национального богатства не могли увеличить благосостояния всех членов общества. Они имели следствием лишь сосредоточение огромных состояний, с одной стороны, и нужду для большинства остальных людей, с другой. Кроме того, развитие капиталистического производства не регулярно. Часто производство превосходит потребление. Это вызывает задержку в производстве и, в силу этого, кризисы, разрушающие благосостояние тысяч, миллионов людей.

«Отсюда ясно, что современная преступность есть необходимое следствие подобной организации производства в современном обществе. Этот вывод диктуется сравнением кривой преступности и линией, выражающей изменения в производстве».

Лафарг первый обратил внимание на число несостоятельств, как на симптом экономического положения общества, и установил параллелизм между этим показателем и движением преступности.

«Вот окончательный вывод Лафарга: благосостояние капиталистического общества отмечается частью увеличением числа преступлений против нравственности, которое, напротив, уменьшается, когда дела промышленности плохи».

Т. Раковский в работе, представленной в 1897 г. медицинскому факультету в Монпелье, — *De la question de l'étiologie*

du crime et de la dégénérescence, выдвигает влияние на преступность экономических кризисов.

«Кризисы причиняют несостоятельности, разорение и самоубийства в промышленных классах, безработицу и голод в рабочих, а все это сопровождается ростом преступности; автор думает даже установить удивительное совпадение между ростом кризисов и преступностью» (Op. c., 176).

Люке в Sozialpolitisches Handbuch (Berlin, 1892) видит причину преступления в современной организации.

«Преступлением является все, что посягает на частную собственность или на средства ее охраны. Только собственники имеют право на существование, право, в котором отказано неимущему. Простой инстинкт самосохранения толкает этих последних на нападения на право, охраняющее только сильных. Вот эти-то нападения правящий класс и называет преступлениями. Вот общее отношение между преступностью и общественным строем. Можно, однако, отметить и самые разнообразные осложнения» (Op. c., 178).

Рейх в 1900 г. указывает на огромное влияние алкоголизма, как причины вырождения, ведущего к преступности.

«Однако, эта социальная язва обусловлена экономическим строем современного общества, который, следовательно, и является причиной преступности» (Op. c., 186).

И авторы, определяющие преступность как патологическое явление, не могли отрицать влияния на нее экономических отношений. Медик Морель указывает на губительное влияние дурных материальных условий существования на вырождение, и следовательно, на преступность.

«Нездоровый воздух, плохое питание, занятие нездоровым ремеслом, потребление алкогольных напитков, недостаточная заработная плата, деморализующие следствия нищеты, недостаточное воспитание и обучение—все эти факторы производят глубокие изменения в организме, передающиеся и увеличивающиеся наследственно» (Op. c., 192).

Определяющей роли экономического фактора не смели отрицать и те, кто искал корней преступности в другой сфере.

«Вникая глубже в соотношение причин преступления, оказалось возможным признать, что, с одной стороны, преступлению непосредственно предшествует неуравновешенное и ненормальное состояние организма, а с другой—приписать обществу и его современной организации значение отдаленной причины этого вырождения», пишет Ван-Кан.

Аргументация писателей, пытавшихся отрицать связь между преступлением и нищетой, при ближайшем анализе оказывается несостоятельной.

Так, например, английский писатель Моррисон хотел доказать, что наивысшая преступность встречается в наиболее богатых странах.

«Богатство Франции как по количеству, так и по распределению значительнее, чем богатство Ирландии, но французский народ совершает больше имущественных преступлений, чем ирландский. Испания—одна из беднейших стран Европы, а Шотландия—одна из богатейших, и, тем не менее, в Шотландии совершается на 100.000 жит. в 4 раза больше преступлений, чем в Испании. Наиболее поучительно в этом отношении, по мнению автора, сравнение Англии и Ирландии. Статистика обеих стран основана на почти одинаковых принципах. Из этого сравнения вытекает, что при всей своей бедности ирландцы совершают вдвое меньше преступлений против собственности, чем богатые англичане» (Op. c., 211).

Граф д'Оссонвиль в «Revue des deux Mondes» за 1887 г., указал, что в то время как «в области материальной» Франция сделала огромные успехи—преступность ее возросла. Отсюда возникает вопрос: не является ли этот рост преступности одним из результатов цивилизации или, по крайней мере, одной из ее черт.

«Преступления, в основании которых лежит алчность, также увеличались. Департаментами, в которых всего меньше насчитывается преступлений, являются вообще горные департаменты, наиболее бедные, где население живет самой простой жизнью. Преступление всего чаще там, где чаще всего встречается богатство, роскошь, благосостояние. Автор не может отрицать вины капиталистической цивилизации в росте тех преступлений, в основе которых лежит алчность. Это печальное последствие цивилизации автор объясняет медленным и, в особенности, неравномерным распространением благосостояния. В виду того, что бедность сопровождается не только страданиями тела, но и страданиями души, возникает вопрос: не вызывается ли этой неравномерностью в распределении богатств у тех, кто является ее жертвами, чувство озлобления против судьбы, которое и наталкивает их на преступление. Действительно, справедливо замечает автор, небольшое число воров и нищих действует под непосредственным давлением голода, но, спрашивается, насколько сократилось бы это число, если бы они родились и были воспитаны в довольстве? Возможно, что тогда не нашлось бы и одного преступника на сто. Тот же вопрос может быть поставлен и по отношению к другим многочисленным правонарушениям, которые почти не встречаются в достаточных классах. Оссонвиль заканчивает: «надо же иметь мужество признать, что самым могущественным двигателем преступности до сих пор является бедность».

«Лучшим доказательством этого положения Оссонвиль считает неизменное соответствие между кривыми, выражающими изменения преступности, и кривыми, выражающими повышение и понижение цен.

«Говоря о влиянии высокой культуры, одной из самых завидных сторон цивилизации, автор замечает, что число обвиненных лиц с высшим образованием, бывшее 2 на 100 в начале века, теперь поднялось до 4 на 100. Автор справедливо находит объяснение этого явления в том, что либеральные профессии все более и более переполняются и становятся все менее и менее доходными. Для того, чтобы благоприятствовать отсутствию преступных склонностей, высшее образование должно идти совместно с известной степенью благосостояния.

«Автор находит еще одно прямое соотношение между цивилизацией и ростом преступности. Общество, по мере своего развития и совершенствования, возводит в преступления, во имя социальной защиты, такие факты, которые сами по себе не противоречат нравственности и которые при другом состоянии общества не вызывали бы против себя репрессивных мер. Таковы нищенство и бродяжество. Кодекс назвал их преступлениями, и вот ежегодно произносится 26.000 приговоров против лиц, из которых, конечно, большинство не нищенствовало бы и не бродяжило, если бы располагало рентами» (Ор. с., 233—5).

Знаменитый Кетле, отец уголовной статистики, в своей «Physique Sociale» (посл. изд. 1869) использовал данные статистики для выяснения причин преступности, ему принадлежит знаменитое изречение: «существует один налог, который уплачивается с ужасающей правильностью, это налог, платимый тюрьмам, каторгам и эшафотам» (Ор. с., 248—252).

Французский статистик Герри в своей книге «Essai sur la statistique morale de la France» (Paris, 1833) «констатирует, что во Франции богатство, если судить о нем, принимая во внимание личные налоги, налоги на движимость и территориальный доход, часто соответствует повышенному числу посягательств на собственность. На севере Франции существуют крупные богатства, и преступления против собственности там очень многочисленны. В центре Франции богатство достигает своего минимума, и одновременно с этим означенные посягательства встречаются сравнительно реже. Зажиточность же, встречающаяся на юге, сопровождается пониженной цифрой преступлений против собственности. Почему, если на севере богатство косвенным образом производит преступления, дело обстоит иначе на юге, вот вопрос, которым задается автор. Но для того, чтобы получить верное представление о действии бедности и богатства, необходимо иметь иные данные, чем те, которые находятся в распоряжении автора. Действительно, продолжает он, возможно, что в тех департаментах, где всего меньше встречается богатств, вместе с тем меньше насчитывается и бедняков и что департаменты, в которых находятся самые значительные состояния, вместе с тем являются именно теми, где бедность чувствуется острее известной частью населения» (Ор. с., 252).

Еще бельгийский ученый Discretiaux в 1827 г. статистическими данными доказал, что бедность и нищета являются источниками преступлений.

«В 1812 году во Франции на 43 миллиона приходилось только 30.000 нищих, наоборот, в Англии в ту же эпоху почти треть населения была доведена до нищеты. Между данными уголовных статистик обеих стран существовала огромная разница. Годы неурожая 1816 и 1817 повысили цифру преступности во Франции с 5.485 (бывш. в 1814 г.) и 6.551 (в 1815 г.) до 9.890 (в 1815 г.), до 9.091 (в 1816 г.) и 13.936 (в 1817 г.). Числовыми данными автор устанавливает, что этот рост преступности, в особенности же преступлений против собственности, всего значительнее был в городах, где всегда большое скопление народа и где бедность суровее, чем в провинции.

«Вслед за тем автор сравнивает число бродяг в различных графствах Англии с числом преступников и констатирует, что оба эти явления всегда идут параллельно».

В 1850 г. Дюкпетьо исследовал преступность Фландрии.

«Доказательство влияния экономических условий Дюкпетьо находит в истории преступности Фландрии за период между 1841 и 1847 годами, в который число осужденных, по свидетельству статистики, страшно возросло. К этому возрастанию преступности за названный период присоединяется удивительный рост пауперизма, который достиг своего апогея в годы неурожая 1840 и 1847 г.г. Кроме того, постоянное повторение того же самого преступления с единственной целью попасть в тюрьму для поддержания своего существования было заурядным явлением в эти годы общей дороговизны» (Ор. с., 253—5).

«Злосчастный 1847 год, год европейского кризиса, ознаменовался, по свидетельству Ваппеуса, необычайным количеством смертей и уменьшением числа браков и рождений, он дал самую высокую цифру преступности за весь период в 32 года, от 1826 по 57 г.г.

«Более внимательный анализ показывает, что только имущественные преступления умножились в такой ужасающей прогрессии в 1847 (36,6% выше предшествующего года и 24,7% выше среднего), тогда как преступления против личности даже уменьшились (7% против 1,7%)» (Ор. с., 263).

В 1895 г. Мейер исследовал движение преступности в его связи с хозяйственными и социальными отношениями кантона Цюрих в Швейцарии, за 1832—1892 годы.

«Таблицы, приведенные автором, дают ему право заключить «что из года в год число имущественных преступлений находится в очевидной связи с материальными условиями. Преступление увеличивается вместе с трудностью заработать средства существования. Статистика имущественных пре-

ступлений показала себя столь же точным масштабом благополучия страны, как, например, статистика несостоятельности» (285).

Резюмируя итоги работ, посвященных изучению взаимоотношений между преступностью и хозяйственной жизнью народа, Ван-Кан указывает, что «в начале XIX века результат урожая был важным фактором в экономической жизни народа. Мало-по-малу, однако, ввоз хлеба вошел в обычай у разных стран; поэтому страны, как целое, стали меньше чувствовать действие неурожая, и это действие, как и выгоды благоприятных лет, ощутительны только для сельского населения. В настоящее время качество урожая оказывает влияние лишь на ту часть населения, которая находит средства пропитания в земледелии» (307).

«Наконец Мюллер старается в своей диссертации совершенно отвергнуть значение цен зерна, как показателя экономического положения.

«Для него, более чем от чего-либо, возрастание благосостояния и уменьшение преступности зависят от промышленного процветания; с другой же стороны, нужда и усиление преступности происходят от неустойчивости промышленности, от понижения ввоза и вывоза, от промышленных потерь и кризисов, от недостатка работы и ограничения производства, влекущих за собой понижение заработной платы и безработицу» (Ор. с., 309).

Сам Ван-Кан считает установленным в результате своего исследования, что «преступность следует рассматривать, как проявление общего болезненного состояния социального организма, состояния, связанного в своих формах и переменах с самым существом общества, с недостатками его организации, его пороками, той тесной роковой связью, которая необходимо связывает патологию и физиологию. В частности, мы видим, что современная преступность, как и проституция, бродяжество, нищенство, дух возмущения и недовольства, связана с экономическим строением современного общества, с эксцессами капитализма, плачевным распределением благ, с пауперизмом, отнимающим у нас надежду, энергию и плодотворную деятельность, порождающим физическое и нравственное истощение человеческого рода, образующим огромную армию физических и социальных дегенератов,—жертв, обреченных минам преступности; связана преступность и с лихорадочным и болезненным ростом эгоистического способа производства, приносящего в своей бешеной погоне за личной выгодой в жертву благосостояние рабочих, жизнь слабых конкурентов, все их начинания, безопасность производства и торговли, обрекающего на неустойчивость существование огромного количества лиц и семей».

IV.

«Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что эти виновных, а есть только несчастные», говорит начальник женской тюрьмы в одном из рассказов¹⁾ непримиримого противника классово́й «юстиции» — Анатоля Франса.

Тут же автор передает сцену, которую, по словам того же гуманного тюремщика, он наблюдал сто раз в своей жизни.

Служанке, посаженной в тюрьму за кражу юбки у своих хозяев, сокращен срок наказания. Она приходит в ужас при мысли об ожидающей ее воле и говорит: «Значит, это правда что я должна уйти отсюда? Но что же тогда со мной будет? Здесь меня кормили, одевали.. Лучше было бы, чтобы я осталась там, где нахожусь!»

И заключенная ушла, плача...

Такова та пресловутая «свобода», которую буржуазное общество предоставляет своим наемным рабам, — ее «благам» они предпочитают приличную тюрьму! Что рассказ французского художника верно отображает действительность, мы можем убедиться из следующего любопытного факта, имевшего место в эпоху царизма.

«На всероссийском съезде сельских хозяев в Москве в 1895 г. большинство сельских хозяев высказалось за усиление репрессий по отношению к нанимающимся к землевладельцам на работы крестьянам за неисполнение ими договора найма, хотя некоторые члены съезда довольно решительно указывали на нерациональность репрессивных мер».

Любопытно, однако, мотивировка этих указаний.

«Например, член Д. А. Кулешов замечает, что привлечение к уголовной ответственности за неисполнение договора является совершенно справедливым возмездием, но и оно сопряжено со многими неудобствами, при малом количестве полиции и при нередком взгляде крестьян на тюрьму, как на удобную зимнюю квартиру, где тепло и сытно. Эта фраза довольно часто повторяется в устах сельских хозяев, причем не поясняется, почему крестьяне питают такую любовь к тюремному теплу и сытости²⁾».

Понятно, что можно было говорить «о тепле и сытости» тюрьмы лишь в сравнении с тем голодным существованием, которое влачили крестьянские массы во времена царизма.

Капитализм привел к концентрации в крупных городских центрах больших масс населения, чем при предшествовавших ему общественных формациях.

«Данные уголовной статистики, без сомнения, выставляют

¹⁾ «Vol domestique» в сборнике «Crainquebille», 305—319.

²⁾ П. П. Маслов. «Аграрный вопрос в России», т. I, изд. 5, Москва, 1917, 322—3.

города в дурном свете. В Англии, например, горда имеют вдвое и даже в четыре раза большее число преступлений, чем сельские общины, как это доказывает А. Вебер¹⁾.

Как показывает французская статистика, преступления увеличиваются пропорционально величине городов²⁾.

По словам французского криминалиста Луи Проалья в его книге «Le crime et la peine» (3 Ed., Paris, 1899), получившей премию от французской Академии нравственных и политических наук, «богатство растет, но, к несчастью, оно распределяется крайне неравномерно. В то время, как в больших городах оно сосредоточивается в немногих руках, число бедняков не уменьшается»...

«Нищета создает угрозу для нравственности не только вследствие порожденных ею лишений самого необходимого, но еще в особенности из-за отчаянных условий, в которых растут дети бедняков в больших городах» (202).

Проаль указывает на развитие преступности и среди имущих классов. «Это не рабочие, получающие 3 или 4 франка в день для своего пропитания и пропитания своей семьи, разоряют целые области колоссальными мошенничествами, скрытыми под видом финансовых обществ. Это не они торгуют своими обязанностями, совершают злостные банкротства, делают подлоги. Можно ли найти много рабочих и крестьян, способных увековечивать медалью память о прекрасных обедах, данных в то время, как сограждане страдали от голода или сражались, в то время, как их отечество, уже побежденное, униженное и осажденное, ожидало новых поражений» (203).

По мнению известного французского философа Альфреда Фулье, «до какого совершенства ни дошло бы коллективистское общество, оно не будет в состоянии помешать действию законов наследственности; одни люди происходят на свет с чувственными и грубыми склонностями, или с склонностью к насилию, к господству, к честолюбию; мало того, всегда будут рождаться люди, одаренные более или менее противоположенными свойствами; обездоленные от природы произведут на свет индивидуумов, пораженных вырождением, несмотря на все заботы более совершенной гигиены; будут дети, предрасположенные к воровству, другие к изнасилованию, другие ко всем видам насилия и грубости. Даже без этих болезненных черт природные характеры будут складываться более или менее благоприятно для общественной жизни»³⁾.

Фулье говорит о законах наследственности, но он упускает из вида, что коммунистическое общество, устранив

1) «Рост городов в XIX столетии», СПб, 1903, 396.

2) Op. c., 397.

3) Alfred Fouillée. «Le Socialisme et la sociologie réformiste», Paris, 1909, 101.

факторы, ведущие при капитализме к вырождению и пороку, тем самым лишит всякой почвы и дурную наследственность. Если на первых ступенях развития коммунизма новому строю и не удастся освободиться сразу от наследия, оставленного ему прошлым, то, по мере того, как коммунизм будет укрепляться на своей собственной основе, как народится поколение, воспитавшееся при коммунистическом строе, вырождение станет воспоминанием прошлого.

V.

Наиболее честные из буржуазных юристов давно уже были вынуждены признать классовый характер современного права вообще—и уголовного права в частности—как средства самозащиты имущих классов от посягательств со стороны неимущих.

Известный венский профессор права Антон Менгер, в своем «Новом учении о государстве» построивший своеобразную систему государственного социализма, ищет корней современного уголовного права в борьбе классов.

По словам Антона Менгера, «неимущие классы издавна отличались тенденцией пробить брешь в стене, воздвигнутой частной собственностью, и проникнуть в сферу преимуществ, созданных законом для состоятельных классов. Так, например, в 1886 году в Германской империи были осуждены за кражу целых 88.816 человек, так что общее число осужденных за воровство, а тем более всех воров вообще, считается сотнями тысяч, не говоря уже об осужденных за грабеж и укрывательство. Этот громадный натиск неимущих классов населения против института частной собственности влечет за собою естественным образом то последствие, что государство стремится оградить частную собственность от всех подобных посягательств посредством строгих уголовных законов. С социальной точки зрения, уголовные законы являются главным средством защиты частной собственности против неимущих классов, а гражданские процессы обнаруживают по преимуществу тенденцию к сохранению этого института от правонарушений со стороны представителей состоятельных классов»¹⁾.

Рядом убедительных примеров Менгер доказывает, что ключа к пониманию норм уголовного кодекса нужно искать в степени серьезности тех интересов, на которые посягает преступник.

«Превосходство власти, которым пользуются в современном строе имущие классы, лучше всего обнаруживается при сравнении мер наказания за более важные преступления против личности и против собственности. Напр., уголовное уложение германской империи карает за легкие телесные

¹⁾ «Гражданское право и неимущие классы населения». СПб. 1906.

повреждения тюремным заключением не свыше трех лет или денежным штрафом не свыше 1.000 марок,—простая же кража наказывается тюремным заключением до 5 лет. Согласно тому же закону, тяжелые телесные повреждения наказываются заключением в смирительном доме до пяти лет или тюрьмой не менее одного года; квалифицированная же кража—смирительным домом до десяти лет или тюрьмой не менее трех месяцев. Таким образом, виновного в краже со взломом и похищении вещи постигает более строгая мера наказания, чем виновного в нанесении телесного повреждения, из-за которого потерпевший лишился ноги, руки, зрения или слуха. А грабеж, являющийся, конечно, прямым и решительным отрицанием порядка собственности, признается почти равносильным умышленному, хотя и без заранее обдуманного намерения, убийству человека, т.-е. смертельным побоям.

«Только многовековая привычка к привилегированному положению состоятельных классов во всех областях общественной жизни заставляет признавать выносимым подобный правопорядок»¹⁾, замечает Менгер. Итак, правящая буржуазия считает свою «священную» собственность гораздо более ценным благом, чем самое человеческую жизнь,—«преступления против собственности» влекут за собой гораздо более суровое возмездие, чем «преступления против личности».

В цитированной уже нами книге Менгер дает юридическую конструкцию «народного рабочего государства»,—государственного образования, в общем и целом соответствующего пролетарской диктатуре, как ее понимают марксисты,—с тем только различием, что последние видят в государстве пролетариата лишь переходную стадию, только этап на пути к безгосударственному коммунизму,—между тем Менгер полагает, что «вполне отрешиться от государства с его законодательством, принудительной и карательной силой человечество, вероятно, никогда не будет в состоянии»²⁾.

В соответствии с этим Менгер считает, что преступление и наказание не исчезнет и в «народном рабочем государстве», но радикально изменится характер правонарушений против существующего порядка.

По мнению Менгера, «никакому сомнению не подлежит, что народное рабочее государство будет карать за преступления против собственности гораздо мягче—не только потому, что в нем совершенно исчезнет власть имущих классов, но еще и потому, что с обеспечением каждому гражданину соответственного права на существование будет устранена

¹⁾ «Новое учение о государстве», СПб., изд. „Голос“, 159.

²⁾ „Новое учение о госуд.“, 21.

главная побудительная причина преступлений против собственности.

«Но оборотная сторона права собственности — всеобщая рабочая повинность явится зато основой образования нового вида преступления. В нынешнем строе праздность богатых не только ничем не карается, но даже служит вернейшим признаком аристократических привычек. Если же уклоняющийся от труда беден, то он подлежит уголовному или полицейскому наказанию и может быть, по германским законам, помещен в рабочий дом для принудительных работ. В народном же рабочем государстве наказанию должен будет подлежать всякий гражданин, без различия положения, если он вопреки основам этой государственной формы будет противозаконно уклоняться от труда»¹⁾.

Практика пролетарского государства в России в общем и целом подтвердила правильность предположений Менгера, — он ошибается только в том, что напрасно считает вечными особенности переходного периода.

Не веря в конечное исчезновение преступности, Менгер полагает, что «нам придется удовольствоваться тем, что преобразование индивидуалистического принудительного государства в народное рабочее и ограничение частной собственности значительно уменьшат число государственных и имущественных преступлений и что подъем уровня образования в массах сделает постепенно все более и более редкими случаи преступлений против личности и семейного права»²⁾.

VI.

Еще социалисты-утописты, на крыльях фантазии предвосхищавшие неясные им очертания грядущего совершенного общества, сталкивались с проблемой преступления, — одной из самых позорных язв всякого общества, разделенного на классы, покоящегося на экономической эксплуатации и политическом порабощении трудящихся масс.

Великий социалист-гуманист 16-го века, Томас Мор, в своей «Утопии» (1516 год) указывал на лицемерие классового общества: оно само производит на свет преступников, чтобы затем жестоко карать их. Рафаэль Гитлодей говорит у Мора: «Даже самое страшное наказание не удержит от кражи того, кому не представляется другого средства избежать голодной смерти. В этом случае правосудие Англии и многих других стран напоминает плохого учителя, который охотнее бьет ученика, чем учит его. Воров подвергают самым ужасным пыткам. Не лучше ли было бы обеспечить всем членам общества возможность существования, чтобы никто не был поставлен

¹⁾ «Нов. уч. о госуд.», 160.

²⁾ «Нов. уч. о госуд.», 162.

в необходимость сначала красть, а потом быть лишенным жизни?».

«И Томас Мор, гениальности которого удивляются потомки, в новом общественном устройстве, видел средство к предотвращению преступлений, — устранение общественных отношений, неизбежно толкающих неимущих на нарушение закона, вырвет, по мысли великого утописта, у преступности ее корни.

Эпоха, в которую жил Мор, эпоха так-называемого первоначального накопления капитала, экспроприровавшего крестьянские массы и превращавшего их в пауперов, навела его на мысль об экономических причинах преступления.

«Жадный владелец окружает стеной пространство в несколько тысяч акров (jugum) земли; честных крестьян выгоняют из домов, одних обманом, других силою, в лучшем случае длинным рядом притеснений и судебных волокит, так что в конце-концов они принуждены бывают продать свою собственность... И вот эти-то семейства, более богатые численностью, чем средствами (так как земледелие требует многих рук), кочуют по полям и дорогам: мужчины, женщины, вдовы и сироты, отцы и матери с малыми ребятами».

Когда у обезземеленных капиталом самостоятельных производителей истощаются все средства к существованию, — у них остается один выход — преступление. «Воровство, а вслед затем виселица. Может быть, им было бы лучше владеть свою горькую судьбу в качестве нищих. Но тогда ведь никто не задумался бы бросить их в тюрьму, как бродяг и бездомных людей. А в чем же состоит их преступление? Да только в том, что они не могут найти себе никакой работы, которой они только и добиваются изо всех своих сил!»

Томас Мор указывал на бессилие всех мероприятий, пускаемых в ход современными ему правителями для борьбы с преступлениями, ибо они не затрагивали причин зла.

«Вы предаете толпы детей пагубному влиянию лживого и безнравственного воспитания; соблазны заставляют на ваших глазах увядать эти молодые растения, которые могли бы стать расцветом добродетели; а когда эти несчастные взрослыми совершают преступления, зародыш которых коренился в них с детства, то вы наказываете их смертью. Вы создали воров для того, чтобы наслаждаться зрелищем их повешения».

«Обуздайте корыстолюбивый эгоизм богача, продолжает Мор, отнимите у него возможность накапливать богатства и присваивать себе доходы! Изгоните праздность... чтобы дать полезное занятие той массе людей, несчастная судьба которых делает из них бродяг и воров».

Но эти советы припились не ко времени, — капитализм, явы которого бичевал автор «Утопии», находился еще на

первых ступенях своего развития, — перед ним открывалось необозримое будущее! ¹⁾).

Социалист Вильям Моррис в своей прекрасной утопии «Вести ниоткуда» своей интуицией художника характеризует грядущее царство коммунизма теми же чертами, что и пользующийся бесценным оружием выкованного Марксом научного метода теоретик-коммунист; он провидит исчезновение из будущего общества как преступления, так и наказания.

Один из граждан нового общества замечает перенесенному в его среду англичанину конца XIX века:

«Разве не нелепо утверждать, что можно при помощи грубого насилия принудить людей обращаться друг с другом по-товарищески, мирно? И законы, и гражданские суды имели целью оберегать частную собственность; с ее уничтожением, разумеется, *ушли из жизни* и законы, и порожденные ими *преступления*. И заповедь «не укради» теперь звучит так: «Если хочешь жить счастливо—работай». И никому не нужно нарушать силой эту заповедь».

Если кто-либо в состоянии аффекта и посягает на жизнь ближнего, то на несчастного смотрят не как на преступника, а как на больного, нуждающегося в уходе и лечении.

Раньше «правлящие обществом жили в своей стране, как победители среди враждебного стана». Вот почему «им, разумеется, было чего страшиться,—говорит Гаммонд, гражданин новой Англии.—Кругом же нас живут друзья, а не враги, бояться нам нечего, и поэтому мы не наказываем. Мы считали бы себя подлым и свирепыми трусами, если бы, боясь редкого и несчастного случая убийства, производили его при торжественной обстановке и на «законном» основании».

«В нашем обществе, обществе равных, никто не захочет быть палачом или тюремщиком, но найдутся многие, которые охотно станут и врачами и сиделками».

«Закон в моем представлении вызывает суд, за судом следует непременно чье-либо наказание. Нет, у нас нет ни полицейского, тащащего в тюрьму, ни палача, казнящего виновного».

Моррис в своей «утопии» говорит о случае непреднамеренного убийства, совершенного в состоянии необходимой обороны, на почве ревности.

Гражданин нового общества рассказывает об этом выходце из XIX столетия.

«Смерть так подействовала на убийцу, что он близок к самоубийству. А мы совершенно бессильны перед всем этим так же, как перед землетрясением несколько лет тому назад».

¹⁾ Впрочем, Мор предусматривает возможность преступлений и на острове «Утопии», где он мыслит осуществление коммунистического строя, причем «обычное наказание, даже за самые тяжелые преступления, это—рабство».

Совершившего невольное преступление собираются увести куда-либо подальше, за море.

Отырыск старой Англии во всей этой истории больше всего изумлялся тому, «что не арестовали человека, совершившего убийство, хотя не было формально доказано, что убийство было совершенно при самозащите. Но поразмыслив над этим, я совершенно ясно понял, что никакой суд, никакое следствие ничего не могли бы прибавить к уже известной картине несчастного столкновения. Я вспомнил рассказ старика Гаммонда и подумал, что этот случай подтверждает его слова об отношении этого народа к тому, что мы называли преступлением. Так сильно—даже слишком сильно—страдавшему человеку не нужно было «очищение», которое общество производило посредством тюрем и виселиц. И я пришел к заключению, что в этой стране личность вполне обеспечена, несмотря на отсутствие законов и наказаний»¹⁾.

Художественная интуиция писателя приподняла завесу, скрывавшую от него картину далекого будущего—расцвета коммунистического общества, развившегося на своей собственной основе,—жизни новых поколений людей, выросших в обстановке братства и равенства.

Освобожденное человечество видит в насилии не более как индивидуальный патологический случай, — «преступник» для него—это несчастный, которому нужно помочь, а не карать его²⁾.

Грядущие поколения не будут знать фетиша «правосудия» «справедливости», которому необходимо дать удовлетворение,—идея возмездия утратит под собой всякую почву.

Люди, горизонт которых не простирается дальше существующих отношений, правда не в силах себе представить положение дела, при котором преступность отойдет в область предания.

Так, Луи Проаль («Le crime et la peine» 207), полагает, что даже тогда, когда все граждане будут пользоваться благосостоянием и будут образованы, все же останутся преступники. «Допустим даже, что люди некогда станут все богатыми и образованными, что представляется уже малосбыточным сном, жадность всегда будет создавать воров, мошенников и фальшивомонетчиков; ненависть и мщение всегда будут вдохновлять на убийства и пожары».

Проаль не в состоянии представить себе эпохи, когда «фальшивомонетчикам» уже потому нечего будет делать, что монеты будут храниться в музеях древностей.

¹⁾ В романе Богданова «Красная Звезда» обитатель земли, попавший на социалистически организованный Марс, убивает одного из его обитателей,—после чего его отвозят в лечебницу душевно-больных.

²⁾ Уг. Соц. I, 298. «Единственным средством лечения является улучшение условий человеческого существования, более справедливый экономический и общественный строй». Ферри, «Угол. Соц.», I, 297.

Тов. Ленин указал, что для борьбы с возможными при полной победе коммунизма противообщественными поступками отдельных лиц не потребуется похожая на современную государственная машина.

«Только коммунизм создает полную ненужность государства, ибо некого подавлять,—«некого» в смысле класса, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе размывает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство»¹⁾.

Овидий, поэт классической эпохи римской литературы, мечтал в I веке до начала нашей эры о золотом веке, который без всякого властителя по своей воле, не прибегая к закону, соблюдал правое и справедливое. Не было места наказанию и страху,—грозных слов не читали тогда на выставленной публично медной доске,—коленипреклоненная толпа не боялась лика своего судьи, но все были в безопасности без властителя. Тогда не было трубы из прямой меди, ни рога из меди согнутой, ни шлема, ни меча,—не зная военного дела, народы в безопасности коротали свои безмятежные досуги²⁾.

Золотой век, о котором мечтал придворный поэт первого римского принцепса Августа, длился не долго,—накопление богатств и связанное с ним деление на классы скоро положили предел эпохе первобытного родового коммунизма.

«L'âge d'or qu'une aveugle tradition a placé jusqu'ici dans le passé est devant nous»,—заявил еще великий утопист Сен Симон,—золотой век, который слепое предание искало до сих пор в прошлом, лежит перед нами.

Этим золотым веком и будет царство коммунизма!

¹⁾ «Государство и революция», Петербург, 1918, 85.

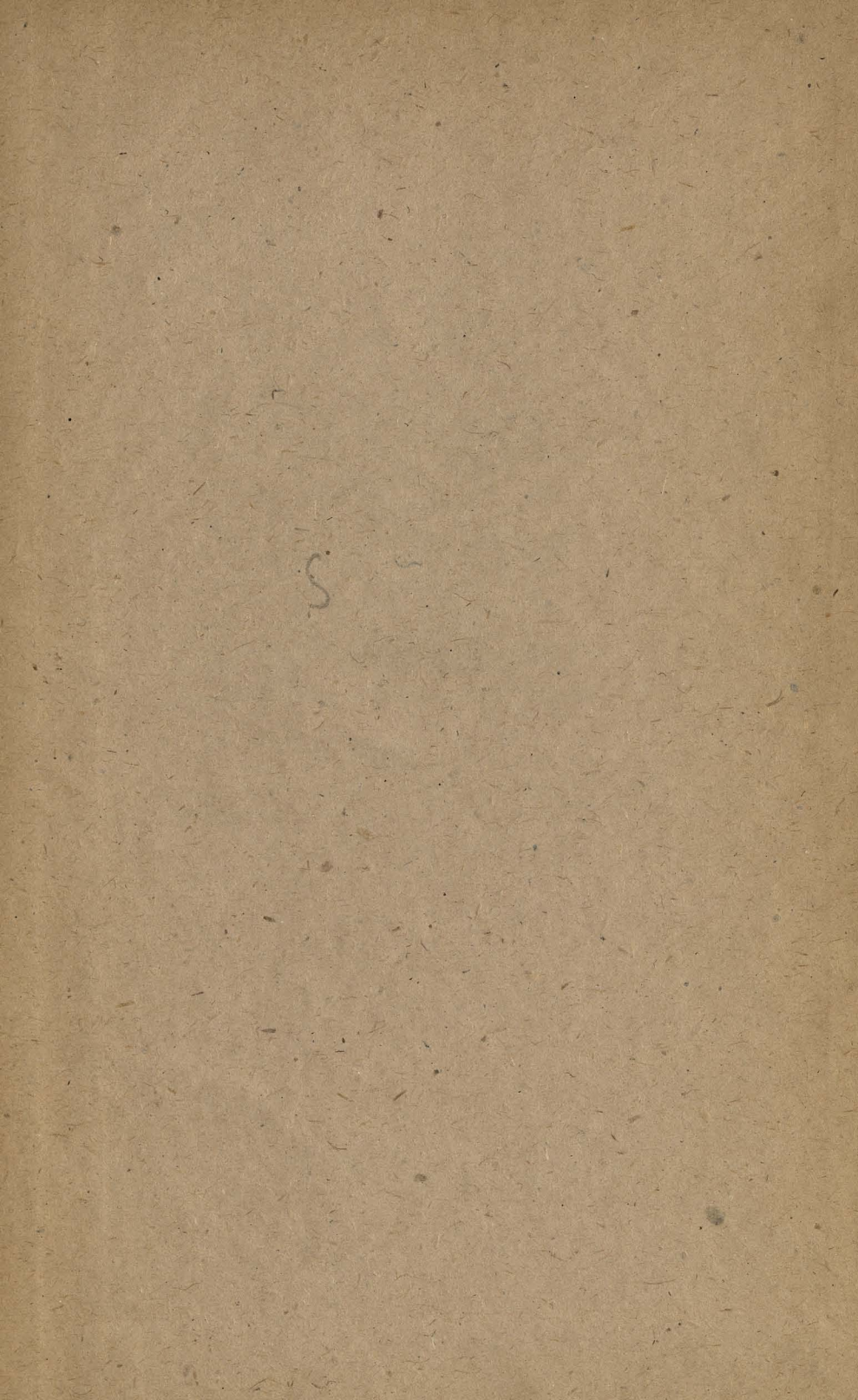
²⁾ Aurea prima sata est aetas, quae vindice nullo Sponte sua, sine lege fidem rectumque colebat. Poena metusque aberant, nec verba minacia fixo Aere legebantur, nec supplex turba timebat Judicis ora sui, sed erant sine iudice tati. Non tuba directi, non aeris cornua flexi, Non galeae, non ensis erant. Sine militis usu Mollia securae peragebant otia gentes. «Metamorphosae», I, 89—93, 98—100.

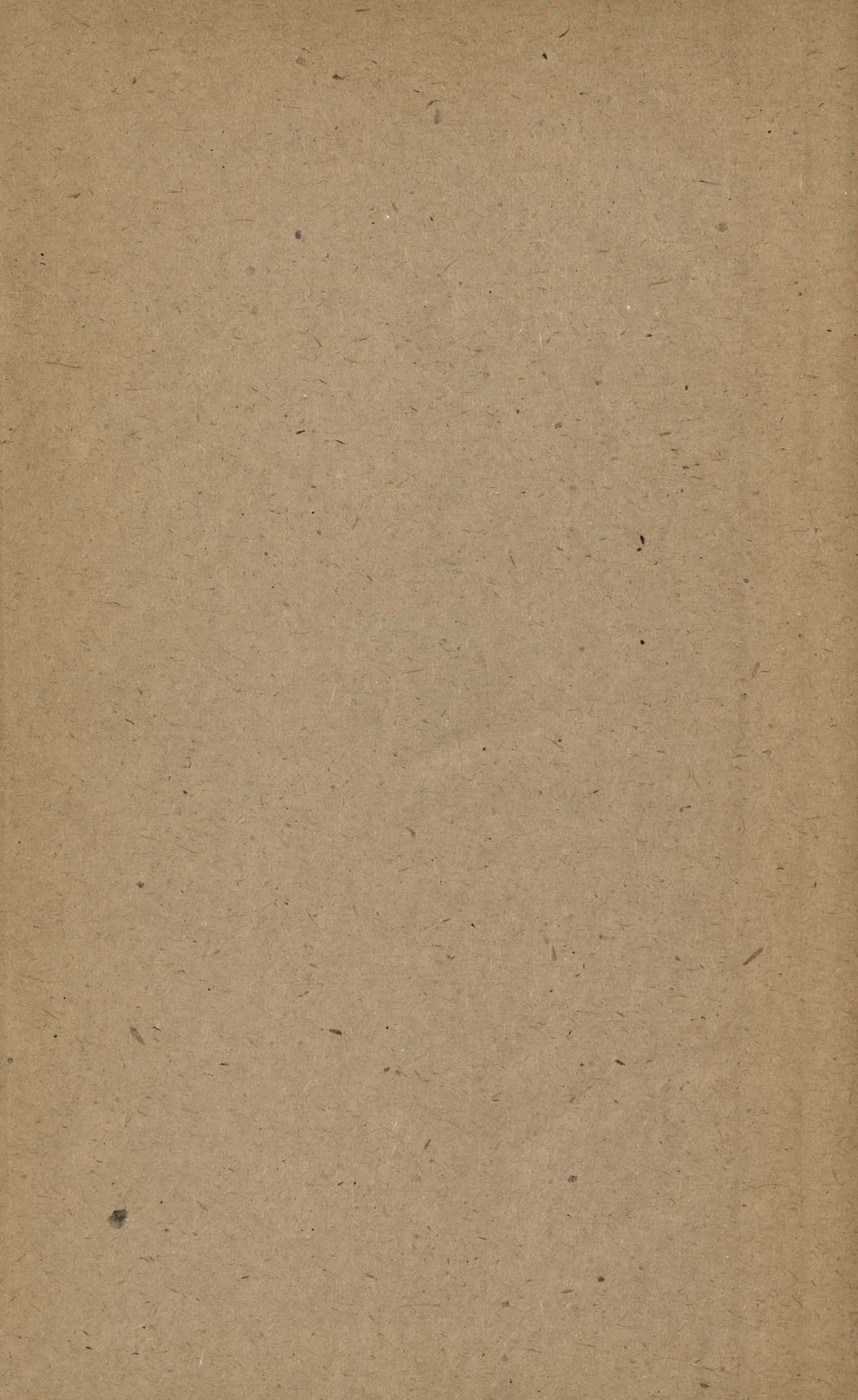
Цена 30 руб.

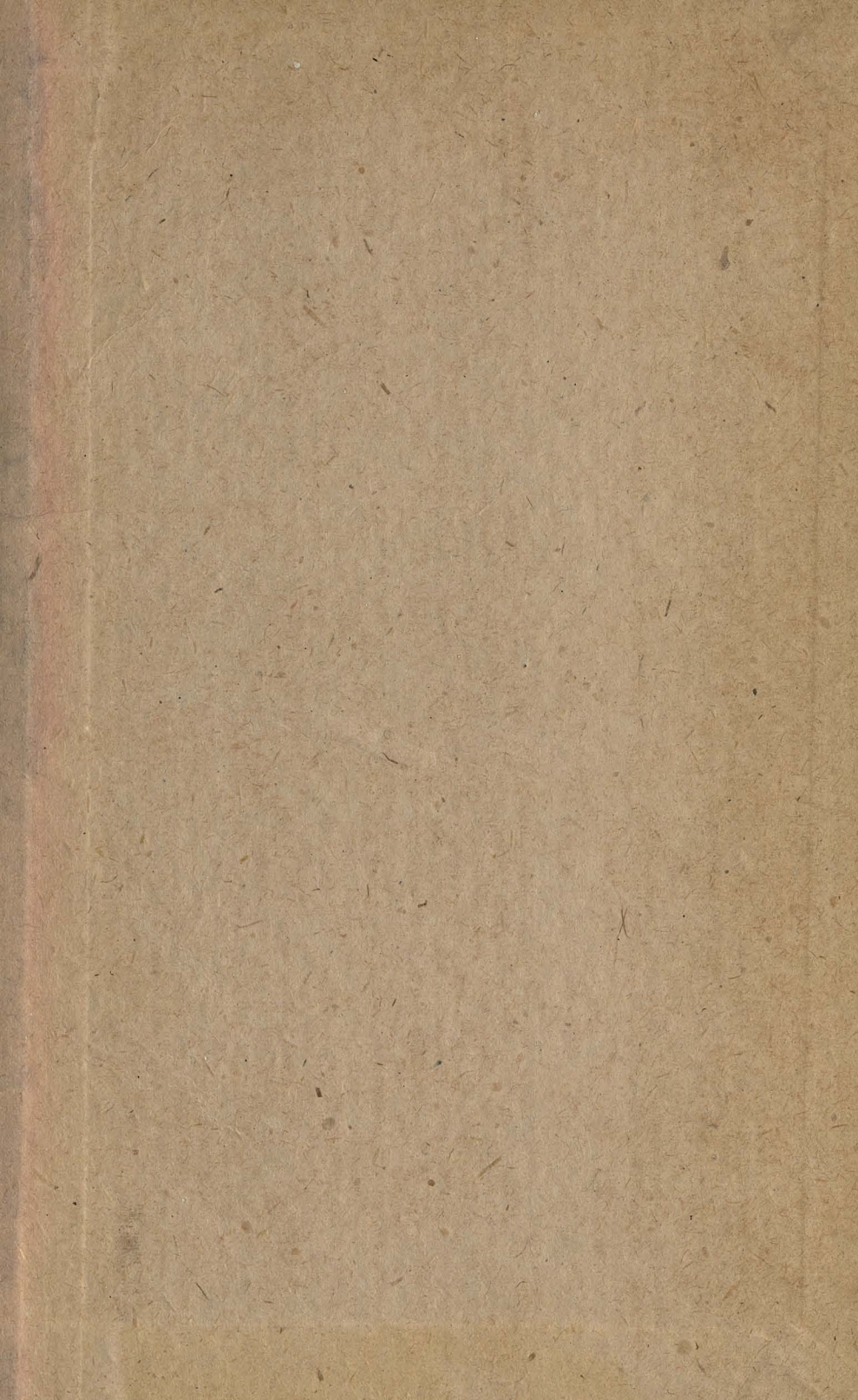
24

Указанная на книге цена никем
не может быть повышена.

2007062205